

Алан Александр Милн

Винни Пух и Все-Все-Все

[...Ранее](#)

продолжение

– Моя такая сероватая, – сказал Пятачок, сам не решаясь высунуться дальше из боязни свалиться в Реку.
– Да, да, ее я и вижу, она плывет в мою сторону.
Кролик высунулся дальше всех, высматривая свою палочку; Крошка Ру прыгал, как заводной, пища: "Палка, палка, поскорей! Палка, палка, поскорей!" – и Пятачок тоже ужасно взволновался, потому что ведь показалась только его палочка, а это означало, что он выигрывает.
– Выплывает! Вот она, – сказал Пух.
– А ты уверен, что это моя? – взволнованно запищал Пятачок.
– Да, потому что она большая и серая. Вот она плывет. Очень большая, серая... Ой, нет, это не она Это Иа–Иа!
И из–под моста выплыл Иа–Иа.
– Иа! – закричали все разом.
Да, спокойно и величественно, задрав в небо все четыре ноги, по реке плыл Иа–Иа.
– Это Иа! – запищал Крошка Ру вне себя от волнения.
– Неужели? – отозвался Иа. Он попал в небольшой водоворот и трижды плавно повернулся вокруг своей оси. – А я–то думал: "Кто это?"
– Я не знал, что ты тоже играешь, – сказал Крошка Ру.
– Я не играю, – ответил Иа.
– А что же ты там делаешь? – спросил Кролик.
– Можешь отгадывать до трех раз, Кролик. Рою землю? Неправильно. Прыгаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жду, чтобы мне кто–нибудь помог выбраться из реки? Теперь правильно! Дайте Кролику время подумать, и он всегда все отгадает.
– Ой, Иа, – сказал Пух растерянно. – А что ж мы... я хочу сказать, как же мы... ты думаешь, если мы...
– Да, – сказал Иа. – Конечно! Один из этих вариантов будет абсолютно правилен. Спасибо тебе, Пух.
– Ой, он плывет все кругом и кругом, – сказал Крошка Ру, совершенно захваченный этим зрелищем.
– Почему бы и нет? – холодно отвечал Иа.
– Я тоже умею плавать, – гордо сказал Кротка Ру.
– Но не кругом, – сказал Иа. – Кругом гораздо труднее. Я сегодня вообще не собирался плавать, – продолжал он, медленно вращаясь, – но уж если пришлось, то, мне кажется, легкое вращательное движение справа налево... Или, может быть, вернее сказать, – добавил он, попав в следующий водоворот, – слева направо... При всех обстоятельствах это мое личное дело.
Наступило молчание. Все задумались.
– Я, кажется, вроде как придумал, – сказал наконец Винни–Пух. – Но я не уверен, что это будет хорошо.
– Я тоже, – сказал Иа.
– Выкладывай, Пух, – сказал Кролик. – Говори.
– Ну, если мы все будем бросать камни и всякие вещи в реку, с одного боку Иа подымутся волны, и эти волны прибьют Иа к берегу.
– Это очень хорошая Идея, – сказал Кролик.
И Винни–Пух снова повеселел.
– Очень, – сказал Иа. – Когда я захочу, чтобы меня прибили, Винни–Пух, я вам сообщу.
– А вдруг мы случайно попадем в него? – тревожно спросил Пятачок.
– Или вдруг мы случайно не попадем в него! – сказал Иа. – Обдумай все эти возможности, Пятачок, прежде чем вы начнете развлекаться.
Но Винни–Пух уже притащил самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапках.
– Я его не брошу, я его просто уроню, Иа, – объяснил он. – И тут уж я не промахнусь, то есть я хочу сказать, что я не попаду в тебя. Ты не можешь на минутку перестать вертеться, а то меня это сбивает?
– Нет, – сказал Иа. – Мне нравится вертеться.
Кролик почувствовал, что пора ему взять на себя командование.
– Ну, Пух, – сказал он, – когда я скажу "Пора!" ты можешь пускать камень. Иа–Иа, когда я крикну "Пора!", Пух пустит свой камень.
– Большое спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.
– Пух, ты готов? Пятачок, отодвинься немного от Пуха, ты ему мешаешь. Ру, чуть–чуть назад. Вы готовы?
– Нет, – сказал Иа.
– Пора! – крикнул Кролик.
Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа–Иа исчез...
Момент был волнующий, особенно для наблюдателей на мосту. Они глядели во все глаза... И даже вид палочки Пятачка, которая выплыла чуть–чуть впереди Кроличьей палочки, не так развеселил их, как вы могли бы ожидать. А потом – как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверно, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей Идеи, – что–то серое появилось на прибрежной отмели...
Постепенно оно становилось все больше и больше... и наконец стало ясно, что это Иа–Иа, который выходит из воды.
С дружным воплем все кинулись с моста; они тащили, и тянули, и подталкивали Иа, и вскоре он встал на твердую почву.
– Ой, Иа, до чего же ты мокрый! – сказал Пятачок, пощупав его.
Иа отряхнулся и попросил кого–нибудь объяснить Пятачку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.
– Молодец, Пух! – великодушно сказал Кролик. – Да, нам с тобой пришла в голову неплоха Идея!
– Какая Идея? – спросил Иа.
– Прибить тебя вот так к берегу.
– Прибить меня? – сказал Иа удивленно. – Прибить меня? Вы что думаете– меня прибили? Да? Я просто нырнул! Пух запустил в меня огромным камнем, и, чтобы избежать тяжелого удар в грудь, я нырнул и подплыл к берегу.
– Это неправда, – шепнул Пятачок Пуху, чтобы его утешить.
– По–моему, тоже, – нерешительно сказал Пух.
– Иа – он всегда так, – сказал Пятачок. – Я лично считаю, что ты очень хорошо придумал!
Пух немного утешился. Ведь если вы Медведь с опилками в голове и думаете о делах, вы иногда с огорчением обнаруживаете, что мысль, которая казалась вам очень дельной, пока она была у вас в голове, оказывается совсем не такой, когда она выходит наружу и на нее смотрят другие. Но, как бы то ни было, Иа был в Реке, а теперь его там не было, так что ничего плохого Пух не сделал.
– Как же ты упал туда, Иа? – спросил Кролик, вытирая его носовым платком Пятачка.
– Я не упал, – отвечал Иа.
– А как же...
– На меня НАСКОЧИЛИ, – сказал Иа.
– Ой, – запищал взволнованный Ру, – тебя кто–нибудь толкнул?
– Кто–то НАСКОЧИЛ на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, размышлял – я надеюсь, кто–нибудь из вас понимает это слово, – как вдруг я ощутил СИЛЬНЫЙ НАСКОК.
– Ой, Иа! – ахнуло все общество.
– А ты уверен, что ты не поскользнулся? – рассудительно спросил Кролик.
– Конечно, я поскользнулся. Если вы стоите на скользком берегу реки и кто–то внезапно НАСКОЧИТ на вас сзади, вы поскользнетесь. А что вы еще можете предложить?
– Но кто это сделал? – спросил Ру.
Иа не ответил.
– Наверно, это был Тигра, – с тревогой сказал Пятачок.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Слушай, Иа, – спросил Пух, – он шутил или он нарочно? Я хочу сказать...

– Я сам об этом все время спрашиваю, медвежонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: "Что это – дружеская шутка или обдуманное нападение?" И когда я всплыл на поверхность, я ответил себе: "Мокрое дело". Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

– А где был Тигра? – спросил Кролик.

Прежде чем Иа успел ответить, раздался громкий треск, и из камышей появился Тигра собственной персоной.

– Всем привет! – весело сказал Тигра.

– Здравствуй, Тигра! – сказал Крошка Ру. Кролик вдруг ужасно надулся.

– Тигра, – сказал он торжественно, – будь любезен, объясни нам, что сейчас произошло?

– Когда сейчас? – ответил Тигра, слегка смутившись.

– Когда ты наскочил на Иа и столкнул его в реку.

– Я на него не насакивал.

– Ты на меня наскочил, – мрачно сказал Иа.

– Нет, не насакивал. У меня просто был кашель и я стоял случайно сзади Иа, и я сказал: ГРРРРР–ОПП–ПШШ–ШШЦ!"

– Ты что, Пятачок? – спросил Кролик, помогая Пятачку встать и отряхнуть пыль. – Все в порядке?

– Это я от неожиданности, – сказал Пятачок дрожащим голосом.

– Вот это я и называю НАСКАКИВАТЬ, – сказал Иа, – налетать на людей неожиданно. Очень неприятная привычка. У меня нет возражений против пребывания Тигры в Лесу, – продолжал он, – потому что это большой Лес и в нем сколько угодно места для того, чтобы прыгать и скакать. Но я не понимаю, зачем он должен приходить в мой маленький уголок Леса и НАСКАКИВАТЬ на меня. Главное, что в моем уголке нет ничего особенно достопримечательного. Конечно, для тех, кто любит холод, сырость и колючки, в нем есть известная прелесть, но во всех остальных отношениях это самый обычный уголок, и если кому-нибудь пришла охота наска...

– Я не насакивал, я кашлял, – сказал Тигро упрямо.

– На дне реки в этом трудно разобраться, – заметил Иа.

– Так вот, – сказал Кролик, – все, что я мог сказать по этому поводу... Ах, вот идет Кристофер Робин, так что пусть он это скажет.

Кристофер Робин шел по лесной дорожке в таком солнечном и безоблачном настроении, как будто бы, например, дважды девятнадцать – это пустяки, и думал о том, что, если он в такой день встанет на нижнюю перекладину перил моста и наклонится над рекой, он вдруг узнает все–все на свете и тогда он расскажет все это Пуху, который пока еще знает не все на свете. Но когда он подошел к мосту и увидел всех своих друзей, он понял, что сегодня совсем не такой день. а совершенно другой – день, когда нужно что–то сделать.

– История такова. Кристофер Робин, – начал Кролик. – Тигра...

– Ничего подобного, – сказал Тигра.

– Как бы то ни было, я оказался там, – сказал Иа.

– Но он же, наверно, не хотел этого, – сказал Пух.

– Он просто такой прыгучий, – сказал Пятачок, – от природы.

– А ну попробуй наскочи на меня, Тигра. – с жаром заявил Крошка Ру. – Иа, Тигра сейчас попробует наскочить на меня. Пятачок, ты как думаешь, кто...

– Ну, ну, – сказал Кролик, – я думаю, мы откажемся от мысли говорить всем сразу. Вопрос в том, что думает об этом Кристофер Робин.

– Я просто кашлянул, – сказал Тигра.

– Он наскочил, – сказал Иа.

– Ну, может быть, я немножко кашкочил, – сказал Тигра.

– Тихо, – сказал Кролик, подняв лапку. – Что думает обо всем этом Кристофер Робин? Вот в чем вопрос.

– Ну, – сказал Кристофер Робин, не очень понимая, о чем идет речь. – Я думаю...

– Ну–ну? – сказали все.

– Я думаю, что мы все сейчас пойдем играть в Пустяки.

Так они и сделали. И представьте себе, что Иа, который никогда раньше не играл в эту игру, выигрывал чаще всех!

А Крошка Ру два раза свалился в реку. Первый раз случайно, а второй раз нарочно, потому что он увидел, что из Лесу выходит Кенга, и понял, что ему все равно придется сейчас отправляться спать. Кролик сказал, что он пойдет с ним, Тигра и Иа–Иа тоже ушли вместе, потому что Иа решил объяснить Тигре, как выигрывать в Пустяки ("Надо пускать палочку с подковыркой, если ты понимаешь, что я хочу сказать, Тигра"), а Кристофер Робин, и Пух, и Пятачок остались на мосту.

Долгое время они глядели вниз на реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

– Тигра, в общем, настоящий парень, – сказал Пятачок.

– Конечно, – сказал Кристофер Робин.

– Вообще все мы настоящие ребята, – сказал Пух. – Я так думаю, – добавил он. – Но я не уверен, что я прав.

– Конечно, ты прав, – сказал Кристофер Робин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ В КОТОРОЙ ТИГРУ УКРОЩАЮТ

Кролик и Пятачок сидели возле парадной двери дома Винни–Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни–Пух тоже сидел с ними. Был дремотный летний полдень, и Лес был полон тихих, неясных звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: "Не слушай Кролика. Слушай меня". Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы не слушать Кролика, и лишь время от времени открывал глаза и говорил: "Ах", а потом закрывал глаза снова и говорил: "Верно, верно!" Сам же Кролик то и дело очень серьезно спрашивал: "Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?", а Пятачок не менее серьезно кивал в ответ, чтобы показать, что он все–все понимает.

– Словом, – сказал Кролик, добравшись наконец до конца, – Тигра в последнее время стал таким большим Выходкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой Выходка, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

– Я того же мнения, – сказал Кролик. – А ты что скажешь, Пух?

Пух, вздрогнув, открыл глаза и сказал:

– Крайне?

– Что крайне? – спросил Кролик.

– То, что ты говорил, – сказал Пух. – О б а с а л ю т н о!

Пятачок толкнул Пуха локтем в бок, и Пух, который все больше и больше чувствовал, что его куда–то уносит, медленно поднялся и начал приходить в себя.

– Но как нам это сделать? – спросил Пятачок.

– Нам надо дать ему хороший урок! – решительно сказал Кролик.

– Какой урок, Кролик?

– В этом–то и вопрос, – сказал Кролик.

Слово "урок" пробудило в Винни–Пухе какие–то неясные воспоминания.

– Там была такая штука, которая называется "Ждыдва" и еще "Юпать", – сказал он. – Кристофер Робин как–то попытался познакомить меня с ними, но только не вышло.

– Что не вышло? – спросил Кролик.

– Кто не вышел? – спросил Пятачок.

Пух покачал головой.

– Я не знаю, – сказал он. – Наверно, ничего не вышло. А о чем мы говорим?

– Пух, – сказал Пятачок укоризненно. – Ты что, не слушал, о чем говорил Кролик?

– Я слушал, но мне попала в ухо какая–то меховинка. Повтори, пожалуйста, Кролик, ладно?

Кролик всегда был готов повторять все, что угодно, поэтому он спросил только, с какого места ему начинать, и Винни–Пух ответил, что, конечно, с того места, где мех попал ему в ухо. Тогда Кролик спросил, когда это было.

Пух ответил, что он точно не знает, потому что он не очень внимательно слушал.

Но тут Пятачок уладил дело, сказав, что они просто хотели придумать, как им отучить Тигру быть Выходкой, потому что хотя мы его все

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

любим, но нельзя отрицать, что он ужасный Выскочка.

– А-а, понимаю! – сказал Пух.

– Он слишком много прыгает, – сказал Кролик, – и он у нас допрыгается!

Пух попытался подумать, но все, что приходило ему в голову, было совершенно бесполезно. И он тихонько засопел вот что:

Если бы Кролик
Был покрупнее,
Если бы Тигра
Был посмирнее,
Глупые игры
Нашего Тигры
Кролика бы
Не смущали нисколько, -
Если бы только...
Если бы только...
Если бы только
Нашему кролику
Росту прибавить
Хоть малую толику!

– Что там Пух сопит? – спросил Кролик. – Что-нибудь толковое?

– Нет, – сказал Пух грустно. – Бестолковое.

– Ну, а у меня есть Идея, – сказал Кролик. – Вот какая: мы возьмем Тигру в поход, заведем его куда-нибудь, где он никогда не был, и как будто потеряем его там, а на следующее утро мы опять его найдем и тогда – заметьте себе мои слова, – тогда Тигра будет уже совершенно не тот.

– Почему? – спросил Винни-Пух.

– Потому что он будет Скромный Тигра. Потому что он станет Грустным Тигрой, Маленьким Тигрой, Тихим и Вежливым Тигрой, Смирным Тигрой, Тигрой, который говорит: "Милый Кролик, как я рад тебя видеть!" Вот почему.

– А будет он рад видеть меня и Пятачка?

– Конечно!

– Это хорошо, – сказал Пух.

– Но я бы не хотел, чтобы он все время был Грустным. – сказал Пятачок нерешительно.

– А Тигры никогда не бывают все время грустными, – успокоил его Кролик. – Они удивительно легко снова приходят в хорошее настроение. Я как раз спрашивал Сову – просто для проверки, – и она подтвердила, что они удивительно легко приходят в него. Но если нам удастся заставить Тигру побыть Маленьким и Грустным хотя бы пять минут, мы уже сделаем доброе дело.

– А что сказал бы об этом Кристофер Робин? – спросил Пятачок.

– Вот что, – сказал Кролик. – Он сказал бы: "Пятачок, ты сделал доброе дело. Я бы сам его сделал, если бы я не был так занят. Спасибо тебе, Пятачок. И Пуху спасибо, конечно".

Пятачок ужасно обрадовался и окончательно поверил, что они затеяли доброе дело, а раз и Винни-Пух и Кролик будут в нем участвовать, то в этом добром деле может участвовать даже и Очень Маленькое Существо и перед этим спокойно выспаться.

После этого осталось разрешить единственный вопрос – где им как будто потерять Тигру?

– Мы заведем его к Северному Полюсу, – сказал Кролик, – потому что ведь Северный Полюс мы очень долго открывали, значит, Тигре придется очень, очень, очень долго его закрывать! Ха-ха-ха!

Тут пришла очередь обрадоваться Винни-Пуху, потому что ведь это он первый нашел Северный Полюс, и, когда они придут туда, Тигра увидит надпись, которая гласит:

ОТКРЫТ ВИННИ-ПУХОМ, ПУХ ЕГО НАШЕ Л

И тогда Тигра будет знать то, чего он сейчас, по-видимому, не знает, а именно, с каким медведем он имеет дело. С Ай-да-Медведем! Было решено, что они выступят в поход завтра утром и что Кролик, который жил неподалеку от Кенги, Ру и Тигры, пойдет сейчас домой и спросит Тигру, что он завтра собирается делать, потому что если он ничего не собирается, то как насчет того, чтобы отправиться на прогулку и захватить с собой Пуха и Пятачка? И если Тигра скажет: "Да", то все в порядке, а если он скажет: "Нет"...

– Он не скажет, – сказал Кролик. – Положитесь на меня!

И он отправился в путь, не теряя времени. На завтра погода очень изменилась. Можно сказать, что она превратилась в непогоду. Вместо солнца и тепла – холод и туман.

Самому-то Пуху было не страшно, но когда он себе представил весь мед, который пчелы не сделают в этот день, ему стало их страшно жалко. Он сообщил это Пятачку, когда тот зашел за ним, а Пятачок сказал, что он думал не столько об этом, сколько о том, как холодно и грустно будет тому, кого как будто потеряют в этот день в чаще Леса. Но когда они с Пухом подошли к дому Кролика, Кролик сказал им, что день самый подходящий для их затеи, потому что Тигра всегда выскакивает вперед, и как только он скроется из виду, они все убегут в сторону и он никогда их больше не увидит.

– Совсем никогда? – спросил Пятачок.

– Да нет, до тех пор, пока мы не найдем его, Пятачок. До завтра или до еще когда-нибудь. Пошли. Он нас ждет.

Когда они подошли к дому Кенги, оказалось, что Крошка Ру, ближайший друг Тигры, тоже их ждет, и это портило все дело; но Кролик, прикрыв рот лапкой, шепнул Пуху: "Положитесь на меня", – и подошел к Кенге.

– Я думаю, что Ру лучше сегодня не ходить, – сказал он. – Сегодня не стоит.

– Почему? – спросил Ру. (Хотя предполагалось, что он не слышит.)

– Ужасный день, – сказал Кролик, качая головой. – Промозглая сырость. Холод. А ты сегодня утром кашлял.

– Откуда ты знаешь? – с негодованием спросил Крошка Ру.

– Дорогой мой, а ты мне даже не сказал! – укоризненно сказала Кенга.

– Это был Бисквитный Кашель, – сказал Ру. – Бисквитный, а не такой, о котором рассказывают мамам.

– Я все же думаю, что сегодня не стоит, дорогой. Как-нибудь в другой раз!

– Тогда завтра? – спросил Ру голосом, полным надежды.

– Посмотрим, – сказала Кенга.

– Ты всегда смотришь, и ничего потом не бывает, – печально сказал Крошка Ру.

– В такой день никто ничего не может рассмотреть, – сказал Кролик. – Я полагаю, мы пойдем не очень далеко, и к обеду все мы... мы все... мы... Ах, Тигра, это ты. Пошли! Всего хорошего, Ру! После обеда мы... Пошли, Пух! Все готовы? Отлично. Пошли.

И они пошли. Сначала Пух, Кролик и Пятачок шли рядом, а Тигра носился вокруг них, описывая большие круги, потом, когда тропинка стала уже, Кролик, Пятачок и Пух пошли гуськом, друг за другом, а Тигра описывал вокруг них петли, и, наконец, когда по обе стороны тропинки встала колючая стена чертополоха, Тигра то убежал далеко вперед, то возвращался, иногда налетая на Кролика, а иногда и нет.

И чем дальше они шли, тем гуще становился туман, так что Тигра стал по временам пропадать, и в тот самый момент, когда вы думали, что его уже совсем нет, он появлялся, выпаливая: "Чего же вы? Ходу!" – и, прежде чем вы успевали что-нибудь ответить, снова исчезал.

Кролик обернулся и подтолкнул Пятачка.

– В следующий раз! – сказал он. – Передай Пуху.

– В следующий раз! – сказал Пятачок Пуху.

– Чего в следующий? – сказал Пух Пятачку.

Тигра неожиданно появился, налетел на Кролика и снова исчез.

– Пора, – сказал Кролик.

Он свернул в прогалину, пересекавшую тропинку, и Пух и Пятачок помчались за ним. Они притаились в высоком папоротнике, прислушиваясь. В Лесу было очень, очень тихо. Они ничего не видели и ничего не слышали.

– Тсс!.. – сказал Кролик.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Я и так, – сказал Пух.

Раздался топот... И снова наступило молчание.

– Эй! – сказал Тигра так близко от них и так неожиданно, что Пятачок, наверно, подскочил бы если бы не оказалось, что на большей его части сидит Пух.

– Где вы? Ау! – кричал Тигра.

Кролик подтолкнул локтем Пуха, и Пух оглянулся в поисках Пятачка, чтобы подтолкнуть его локтем, и не нашел его, а Пятачок продолжал вдыхать запах сырого папоротника, стараясь дышать как можно тише, и чувствовал себя очень храбро.

– Чудеса! – сказал Тигра.

Наступила тишина, и спустя несколько мгновений они услышали его удаляющийся топот.

Они подождали ли еще немножко, и в Лесу снова стало тихо – так тихо, что еще чуточку, и им стало бы страшно. Кролик встал и потянулся.

– Ну? – шепнул он с гордостью. – Видали? Все, как я говорил!

– Я вот думал, – сказал Пух, – и я думаю...

– Нет, – сказал Кролик, – не надо. Бежим. Пошли!

И все они во главе с Кроликом пустились наутек.

– А теперь, – сказал Кролик, когда они порядочно пробежали, – мы можем поговорить. Что ты хотел сказать, Пух?

– Да ничего особенного. А почему мы сюда идем?

– Потому что эта дорога домой.

– А-а! – сказал Пух.

– А по-моему, нам надо взять правее, – тревожно сказал Пятачок. – А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальная будет левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начать.

– Ну... – начал Пух нерешительно.

– Пошли! – сказал Кролик. – Я отлично знаю дорогу!

Они пошли. Спустя десять минут они снова остановились.

– Очень смешно, – сказал Кролик, – но мне вдруг пока... Ах, конечно. Пошли!..

– Ну, вот мы и тут, – сказал Кролик спустя еще десять минут. – Нет, кажется...

– А теперь, – сказал Кролик спустя еще десять минут, – по-моему, мы должны быть у... или мы взяли немного правее, чем я думал?

– Прямо чудеса! – сказал Кролик спустя еще десять минут. – Почему это в тумане все выглядит так одинаково? Смешно! Ты заметил это, Пух?

Пух сказал, что заметил.

– Слава богу, что мы так хорошо знаем наш Лес, а то мы могли бы заблудиться! – сказал Кролик через полчаса. И он засмеялся так беззаботно, как может смеяться только тот, кто так хорошо знает Лес, что не может в нем заблудиться.

Пятачок чуточку приотстал и подобрался к Пуху сзади.

– Пух! – шепнул он.

– Что, Пятачок?

– Ничего, – сказал Пятачок и уцепился за лапку Пуха. – Я просто хотел быть поближе к тебе.

Когда Тигра перестал ждать, что остальные найдут его, и когда ему надоело, что рядом нет никого, кому он мог бы сказать: "Эй, пошли, что ли!" – он подумал, что надо пойти домой. И он побежал назад. Первое, что сказала Кенга, увидав его, это: "А вот и наш милый Тигра! Как раз пора принимать рыбий жир!"

И она налила ему полную чашку. Крошка Ру с гордостью заявил: "А я уже принял", и Тигра, проглотив все, что было в чашке, сказал: "И я тоже", а потом он и Ру стали дружески толкать друг друга, и Тигра случайно перевернул один или два стула, нечаянно, а Крошка Ру случайно перевернул один, нарочно, и Кенга сказала:

– А ну пойдите побегайте.

– А куда нам бегать? – спросил Крошка Ру.

– Пойдите и соберите мне шишек для топки, – сказала Кенга и дала им корзинку.

И они послушно отправились к Шести Соснам и стали кидать друг в друга шишками, и за этим приятным занятием забыли, зачем они пришли в Лес, и забыли заодно корзинку под деревом, а сами отправились домой обедать.

Обед как раз подходил к концу, когда Кристофер Робин заглянул в дверь.

– Где Пух? – спросил он.

– Тигра, детка, где Пух? – спросила Кенга.

Тигра стал объяснять, что произошло, и в то же самое время Крошка Ру стал объяснять про свой бисквитный Кашель, а Кенга стала уговаривать их не говорить одновременно. Так что прошло немало времени, пока Кристофер Робин понял, что Пух, Пятачок и Кролик бродят где-то в тумане, заблудившись в Лесной Чаше.

– Смехота! – шепнул Тигра Крошке Ру. – А вот Тигры никогда не могут заблудиться!

– А почему они не могут, Тигра?

– Не могут, и все тут, – объяснил Тигра. – Так уж они устроены!

– Что ж, – сказал Кристофер Робин, – надо пойти и отыскать их. Вот и все. Пошли, Тигра.

– А можно, я тоже пойду отыщу их? – взволнованно спросил Ру.

– Я думаю, не сегодня, дорогой мой, – сказала Кенга, – как-нибудь в другой раз.

– Ну ладно. А если они заблудятся завтра, можно, я тогда отыщу их?

– Посмотрим, – сказала Кента, и Крошка Ру, который отлично знал, что это означает, ушел в угол и начал упражняться в прыжках, отчасти потому, что он хотел попрыгать, а отчасти потому, что он не хотел, чтобы Кристофер Робин и Тигра заметили, как он огорчен, что его не взяли.

– Итак, – сказал Кролик, – мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отдыхали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьезно подозревал, что она просто-таки бежит за ними по пятам, потому что, куда бы они ни направились, они обязательно натыкались на нее. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: "Теперь я знаю, где мы!", а Пух грустно говорил: "Я тоже". Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать, что бы такое ему сказать, но единственное, что ему приходило в голову, это: "Помогите, спасите!" – а говорить это было бы, наверно, глупо, ведь с ним были Пух и Кролик. Все долго молчали.

– Ну что ж, – сказал Кролик, по-видимому, все это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку. – Пожалуй, надо идти.

– А что, если... – начал Пух не спеша, – если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять ее найти?

– Какой в этом смысл? – спросил Кролик.

– Ну, – сказал Пух, – мы все время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы ее обязательно найдем, потому что тогда мы, может быть, найдем то, чего мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

– Не вижу в этом большого смысла, – сказал Кролик.

– Нет, – сказал Пух скромно, – его тут нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

– Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я ее найду, – сказал Кролик.

– А вот я думал, что, может быть, ты ее не найдешь, – сказал Пух. – Я почему-то так думал.

– Ты попробуй, – сказал неожиданно Пятачок, – а мы тебя тут подождем.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и скрылся в тумане. Отойдя шагов сто, он повернулся и пошел обратно... И после того, как Пух и Пятачок прождали его двадцать минут, Пух встал.

– Я почему-то так и думал, – сказал Пух. – А теперь, Пятачок, пойдем домой.

– Пух!.. – закричал Пятачок, дрожа от волнения. – Ты разве знаешь дорогу?

– Нет, – сказал Пух, – но у меня в буфете двенадцать горшков с медом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как следует их расслышать, потому что Кролик все время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то я думаю, Пятачок, я узнаю, откуда они меня зовут. Идем!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебивать горшки с медом, и вдруг он легонько пискнул... а потом сказал: "О-о", потому что начал узнавать, где они находятся. Но он все еще не осмеливался сказать об этом громко, чтобы не испортить дело. И как раз в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало неважно, слышны ли горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

– Ах, вы здесь, – сказал Кристофер Робин небрежно, стараясь сделать вид, что он нисколько не волновался.

– Мы здесь, – сказал Пух.

– А где Кролик?

– Я не знаю, – сказал Пух.

– Да? Ну, я думаю, Тигра его найдет. Он, кажется, пошел вас всех искать.

– Хорошо, – сказал Пух. – Мне нужно идти домой, чтобы подкрепиться, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подкреплялись и...

– Я вас провожу, – сказал Кристофер Робин. Он проводил Пуха домой и пробыл там очень немалое время.

И все это время Тигра носился по Лесу, громко рыча, чтобы скорее найти Кролика.

И, наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик кинулся на голос сквозь туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру, в Тигру, который выскакивал – если он вообще выскакивал – гораздо лучше всех Тигров на свете.

– Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! – закричал Кролик.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШАЕТ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

На полпути от дома Винни-Пуха к дому Пятачка было Задумчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось повидаться, и там было так тепло и тохо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься. Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Здесь любит Медведь
Порой посидеть
И подумать:
"А чем бы такое заняться?"
Ведь он же - не Слон,
Поэтому он
Не может все время
Без дела слоняться!

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветки, Пух и Пятачок сидели в Задумчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

– Я думаю, – сказал Пух, – что я думаю вот что: нам неплохо бы сейчас пойти на Пухову Опушку и повидать Иа, потому что, наверно, его дом снесло ветром и, наверно, он обрадуется, если мы его опять построим.

– А я думаю, – сказал Пятачок. – что я думаю вот что: нам неплохо было бы сейчас пойти и навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это нельзя.

– Пойдем навестим всех-всех-всех, – сказал Пух, – потому что, когда ты долго ходишь по холоду, а потом вдруг зайдешь кого-нибудь навестить и он тебе скажет: "Привет, Пух! Вот кстати! Как раз пора чем-нибудь подкрепиться!" – это всегда очень-очень приятно!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьезный повод – скажем, вроде организации Искпедиции, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно, мог.

– Мы пойдем, потому что сегодня четверг, – сказал он, – и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок! Друзья встали, но Пятачок сразу же снова сел, потому что он не знал, какой сильный ветер.

И когда Пух помог ему подняться, они двинулись в путь. По дороге первым попался им домик Пуха, и, можете себе представить, когда они пришли, хозяин – знакомый вам медвежонок Винни-Пух, – оказался дома и сразу же пригласил их войти и кое-чем подкрепиться. Потом они отправились к дому Кенги, держась друг за друга и крича: "Ну что скажешь?", "Что, что?", "Я не слышу". И пока они добрались до Кенги, оба так замучились, что им пришлось задержаться у нее и еще раз позавтракать. Когда друзья вышли от нее, им показалось, что на дворе стало очень холодно, и они помчались со всех ног к дому Кролика.

– Мы пришли пожелать тебе Очень Приятного Четверга. – объявил Винни-Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и выйти наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не похудела).

– А что, собственно, произойдет в Четверг? – спросил Кролик.

И когда Пух объяснил что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: "А-а. А я думал, что вы действительно пришли по делу", – Пух и Пятачок на минутку присели... а потом поплелись дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что им не надо было так орать.

– Кролик – он умный! – сказал Пух в раздумье.

– Да, – сказал Пятачок. – Кролик – он хитрый.

– У него настоящие Мозги.

– Да, – сказал Пятачок, – у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

– Наверно, поэтому, – сказал наконец Пух, – наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает!

Кристофер Робин был уже дома, и он так обрадовался друзьям, что они пробыли у него почти до обеда, и тогда они почти пообедали, то есть съели такой обед, о котором можно потом забыть, и поспешили на Пухову Опушку, чтобы успеть навестить Иа и не опоздать к

Настоящему Обеду у Совы.

– Здравствуй, Иа! – весело окликнули они ослика.

– А, – сказал Иа, – заблудились?

– Что ты! Нам просто захотелось тебя навестить, – сказал Пятачок, – и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он все еще стоит!

– Понимаю, – сказал Иа. – Действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и свалить его.

– Мы думали – а вдруг его повалит ветром, – сказал Пух.

– Ах, вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себя утруждать. А я думал, что о нем просто забыли.

– Ну, мы были очень рады повидать тебя, Иа, а теперь мы пойдем навестим Сову.

– Отлично. Сова необыкновенно мила. Она пролетела мимо день-два назад и даже заметила меня. Она, конечно, не сказала мне ни слова, понятное дело, но она знала, что это я. Очень любезно с ее стороны. Согревает душу.

Пух и Пятачок отодвинулись немного назад и сказали: "Ну, всего хорошего, Иа", очень стараясь не спешить, но ведь им предстоял далекий путь, и они хотели прийти вовремя.

– Всего хорошего, – сказал Иа. – Смотри, чтобы тебя не унесло ветром, маленький Пятачок. Тебя будет очень не хватать. Многие будут с живым интересом спрашивать: "Куда это унесло маленького Пятачка?" Ну, всего хорошего. Благодарю вас за то, что случайно проходили мимо.

– До свиданья, – сказали Пух и Пятачок в последний раз и двинулись к дому Совы.

Теперь ветер дул им навстречу, и уши Пятачка трепались, как флажки, изо всех сил стараясь улететь от хозяина, с великим трудом продвигавшегося вперед. Ему казалось, прошли целые часы, пока они наконец загнал свои ушки под тихие своды Леса, где они снова выпрямились и прислушались – не без волнения – к вою бури в вершинах деревьев.

– Предположим, Пух, что дерево вдруг упадет, когда мы будем как раз под ним? – спросил Пятачок.

– Давай лучше предположим, что не упадет, – ответил Пух после некоторого размышления.

Это предложение утешило Пятачка, и спустя немного времени друзья весело, наперебой, стучали и звонили у двери Совы.

– Здравствуй, Сова, – сказал Пух, – я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать – как ты поживаешь. Сова? Мы с Пятачком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня Четверг.

– Садись, Пух, садись, садись, Пятачок, – сказала Сова радушно. – Устраивайтесь поудобнее.

Они поблагодарили ее и устроились как можно удобнее.

– Понимаешь, Сова, мы очень спешили, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдем.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сова с достоинством кивнула головой.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказала она, – но не права ли я, предполагая, что на дворе весьма бурный день?

– Весьма, – сказал Пятачок, который грел свои ушки у огня, мечтая лишь о том, чтобы целым и невредимым вернуться домой.

– Я так и думала, – сказала Сова. – И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт, чей портрет ты видишь на стене по правую руку, Пятачок, – мой дядя Роберт, возвращаясь в поздний час с... Что это?

Раздался страшный треск.

– Берегись! – закричал Пух. – Осторожно, часы! Пятачок, с дороги! Пятачок, я на тебя падаю!

– Спасите! – закричал Пятачок.

Пухова сторона комнаты медленно поднималась вверх, его кресло съезжало вниз в направлении кресла Пятачка; стенные часы плавно скользнули по печке, собирая по дороге цветочные вазы, и, наконец, все и вся дружно рухнуло на то, что только что было полом, а сейчас старалось выяснить, как оно справится с ролью стены.

Дядя Роберт, который, по-видимому, решил превратиться в коврик и захватил с собой заодно знакомую стену, налетел на кресло Пятачка в тот самый момент, когда Пятачок хотел оттуда вылезти.

Словом, некоторое время было действительно нелегко определить, где север... Потом вновь послышался страшный треск... вся комната лихорадочно затряслась... и наступила тишина.

В углу зашевелилась скатерть. Она свернулась в клубок и перекатилась через всю комнату. Потом она подскочила раза два-три и выставила наружу два уха; вновь прокатилась по комнате и развернулась.

– Пух, – сказал нервно Пятачок.

– Что? – сказала одно из кресел.

– Где мы?

– Я не совсем понимаю, – отвечало кресло.

– Мы... мы в доме Совы?

– Наверно, да, потому что мы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

– Ох! – сказал Пятачок. – Слушай, у Совы всегда почтовый ящик был на потолке?

– А разве он там?

– Да, погляди.

– Не могу, – сказал Пух, – я лежу носом вниз, и на мне что-то такое лежит, а в таком положении, Пятачок, очень трудно рассматривать потолки.

– Ну, в общем, он там.

– Может быть, он переехал туда? – предположил Пух. – Просто для разнообразия.

Под столом в противоположном углу комнаты поднялась какая-то возня, и Сова опять появилась среди гостей.

– Пятачок! – сказала Сова с очень рассерженным видом. – Где Пух?

– Я и сам не совсем понимаю, – сказал Пух.

Сова повернулась на звук его голоса и строго посмотрела на ту часть Пуха, которая еще была на виду.

– Пух, – с упреком сказала Сова, – это ты наделал?

– Нет, – кротко сказал Пух, – не думаю, чтобы я.

– А тогда кто же?

– Я думаю, это ветер, – сказал Пятачок. – Я думаю, твой дом повалило ветром.

– Ах, вот как! А я думала, это Пух устроил.

– Нет! – сказал Пух.

– Если это ветер, – сказала Сова, думая вслух, – то тогда Пух не виноват. Ответственность не может быть на него возложена.

С этими милостивыми словами она взлетела, чтобы полюбоваться своим новым потолком.

– Пятачок, Пятачок! – позвал Пух громким шепотом.

Пятачок склонился над ним.

– Что, Пух?

– Что, она сказала, на меня воз-ло-жено?

– Она сказала, что она тебя не ругает.

– А-а, а я думал, она говорила про... то, что на мне... А, понятно!

– Сова, – сказал Пятачок, – сойди вниз и помоги выбраться Пуху!

Сова, которая залюбовалась своим почтовым ящиком (а он был проволочный, и в двери была щель с надписью "Для писем и газет", только этой надписи сейчас не было видно, потому что она была снаружи), слетела вниз.

Вдвоем с Пятачком они долго толкали и дергали кресло, и наконец Пух вылез из-под него и смог оглядеться.

– Да! – сказала Сова. – Прелестное положение вещей!

– Что мы будем делать, Пух? Ты можешь о чем-нибудь подумать? – спросил Пятачок.

– Да, я как раз думал кое о чем, – сказал Пух. – Я думал об одной маленькой вещице. – И он запел вернее, запыхтел ПЫХТЕЛКУ:

Я стоял на носу

И держал на весу

Задние лапки и все остальное...

Цирковой акробат

Был бы этому рад,

Но Медведь - это дело иное!

И потом я свалился,

А сам притворился,

Как будто решил отдохнуть среди дня.

И, лежа на пузе,

Я вспомнил о Музе,

Но она позабыла Поэта (меня).

Что делать!..

Уж если,

Устроившись в кресле,

И то не всегда мы владеем стихом, -

Что же может вам спеть

Несчастный Медведь,

На которого Кресло уселось верхом!

– Вот и все! – сказал Пух.

Сова неодобрительно кашлянула и сказала, что если Пух уверен, что это действительно все, то они могут посвятить свои умственные способности Проблеме Поисков Выхода.

– Ибо, – сказала Сова, – мы не можем выйти посредством того, что обычно было наружной дверью. На нее что-то упало.

– А как же еще можно тогда выйти? – тревожно спросил Пятачок.

– Это и есть та Проблема, Пятачок, решению которой я просила Пуха посвятить свои Умственные Способности.

Пух уселся на пол (который когда-то был стеной), и устался на потолок (который некогда был другой стеной – стеной с наружной дверью, которая некогда была наружной дверью), и постарался посвятить им свои Умственные Способности.

– Сова, ты можешь взлететь к почтовому ящику с Пятачком на спине? – спросил он.

– Нет, – поспешно сказал Пятачок, – она не может, не может!

Сова стала объяснять, что такое Необходимая или Соответствующая Спинная Мускулатура. Она уже объясняла это когда-то Пуху и

Кристоферу Робину и с тех пор ожидала удобного случая, чтобы повторить объяснения, потому что это такая штука, которую вы спокойно

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

можете объяснять два раза, не опасаясь, что кто-нибудь поймет, о чем вы говорите.

– Потому что, понимаешь Сова, если бы мы могли посадить Пятачка в почтовый ящик, он мог бы протиснуться сквозь щель, в которую приходят письма, и слезть с дерева и побежать за подмогой, – пояснил Пух.

Пятачок немедленно заявил, что он за последнее время стал ГОРАЗДО БОЛЬШЕ и вряд ли сможет пролезть в щель, как бы он ни старался.

Сова сказала, что за последнее время щель для писем стала ГОРАЗДО БОЛЬШЕ специально на тот случай, если придут большие письма, так что Пятачок, вероятно, сможет.

Пятачок сказал:

– Но ты говорила, что необходимая, как ее там называют, не выдержит.

Сова сказала:

– Не выдержит, об этом нечего и думать.

А Пятачок сказал:

– Тогда лучше подумаем о чем-нибудь другом, – и первым подал пример.

А Пух вспомнил тот день, когда он спас Пятачка от потопа и все им так восхищались; и так как это выпадало ему не часто, он подумал, как хорошо было бы, если бы это сейчас повторилось, и – как обычно, неожиданно – ему пришла в голову мысль.

– Сова, – сказал Пух, – я что-то придумал.

– Сообразительный и Изобретательный Медведь! – сказала Сова.

Пух приосанился, услышав, что его называют Поразительным и Забредательным Медведем, и скромно сказал, что да, эта мысль случайно забрела к нему в голову.

И он изложил свою мысль.

– Надо привязать веревку к Пятачку и взлететь к почтовому ящику, держа другой конец веревки в клюве; потом надо просунуть бечевку сквозь проволоку и опустить ее на пол, а еще потом мы с тобой потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потихоньку подымется вверх на том конце – и дело в шляпе!

– И Пятачок в ящике, – сказала Сова. – Если, конечно, веревка не оборвется.

– А если она оборвется? – спросил Пятачок с неподдельным интересом.

– Тогда мы возьмем другую веревку, – утешил его Пух.

Пятачка это не очень обрадовало, потому что хотя рваться будут разные веревки, падать будет все тот же самый Пятачок; но, увы, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно попрощавшись со счастливым временем, проведенным в Лесу, с тем временем, когда его никто не подтягивал к потолкам на веревках, Пятачок храбро кивнул Пуху и сказал, что это Очень Умный Ппп-ппп-ппп, Умный Ппп-ппп-план.

– Она не порвется, – шепнул ободряюще Пух, – потому что ведь ты Маленькое Существо, а я буду стоять внизу, а если ты нас всех спасешь – это будет Великий Подвиг, о котором долго не забудут, и, может быть, я тогда сочиню про это Песню, и все будут говорить: "Пятачок совершил такой Великий Подвиг, что Пуху пришлось сочинить Хвалебную Песню!"

Тут Пятачок почувствовал себя гораздо лучше, и, когда все было готово и он начал плавно подниматься к потолку, его охватила такая гордость, что он, конечно, закричал бы: "Вы поглядите на меня", если бы не опасался, что Пух и Сова, залюбовавшись им, выпустят свой конец веревки.

– Поехали, – весело сказал Пух.

– Подъем совершается по заранее намеченному плану, – ободряюще заметила Сова.

Вскоре подъем был окончен. Пятачок открыл ящик и пролез внутрь, затем, отвяжавшись, он начал протискиваться в щель, сквозь которую в добрые старые времена, когда входные двери были входными дверями, входило, бывало, много неожиданных писем, которые хозяйка вдруг получала от некоей Савы.

Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на щель, он оказался снаружи.

Счастливый и взволнованный, он на минутку задержался у выхода, чтобы пропищать пленникам слова утешения и приветствия.

– Все в порядке! – закричал он в щель. – Твое дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть, и мы принесем канат для Пуха, я пойду и скажу ему сейчас, а вниз я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь, и мы с Кристофером Робинсом вернемся приблизительно через полчаса. Пока, Пух! – И, не ожидая ответа Пуха: "До свидания, Пятачок, спасибо", он исчез.

– Полчаса, – сказала Сова, устраиваясь поудобнее. – Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать, – повесть о дяде Роберте, чей портрет ты видишь внизу под собой, милый Винни. Припомним сначала, на чем я остановилась. Ах да! Был как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт... Пух закрыл глаза.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В КОТОРОЙ ИА НАХОДИТ СОВЕШНИК И СОВА ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Винни-Пух забрел в Дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево; а когда дом начинает так выглядеть – значит, хозяину пришло время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Таинственное Спасание, которое гласило:

Я ищу новый адриск для

Совы ты тоже Кролик

И, пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, пришел Кролик и прочел ему вслух.

– Я и для остальных приготовил такое письмо, – сказал Кролик. – Растолкую им, о чем речь, и все они тоже будут искать новый адриск, то есть дом для Совы. Извини, очень спешу, всего хорошего!

И он убежал.

Пух не спеша поплелся за ним. У него было дело посерьезнее, чем поиски нового дома для Совы; ему нужно было сочинить Хвалебную Песню-Кричалку про ее прежний дом.

Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чем он не говорит; и если кто-нибудь упоминал Песни (Кричалки), или Деревья, или Веревки, или Ночные Бури, Пятачок сразу весь розовел, начиная с кончика носа, и поспешно заговаривал о чем-нибудь совсем другом.

"Но это не так-то легко, – сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда Домом Совы. – Ведь Поэзия, Кричалки – это не такие вещи, которые вы находите, когда хотите, это вещи, которые находят на вас; и все, что вы можете сделать, – это пойти туда, где они могут вас найти".

И Винни-Пух терпеливо ждал...

– Ну, – сказал он после долгого молчания, – я могу, пожалуй, начать: "Вот здесь лежит большущий ствол", потому что ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет. Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ (КРИЧАЛКА)

Вот здесь лежит большущий ствол,
А он стоял вверх головой,
И в нем Медведь беседу вел
С его хозяйкою (Совой).
Тогда не знал никто-никто,
Что вдруг случится ужас что!

Увы! Свирепый Ураган
Взревел - и повалил Каштан!
Друзья мои! В тот страшный час
Никто-никто бы нас не спас.
Никто бы нам бы не помог,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда б не Храбрый Пятачок!

- Смелей! - он громко произнес . -
Друзья , скорей найдите трос
(Допустим , толстенький шпагат ,
А лучше - тоненький канат).
Изнайте : пусть грозит Беда ,
Для Смелых выход есть всегда !

И вот герой вознесся ввысь ,
Туда , туда , где брезжил свет ,--
Сквозь щель Для Писем и Газет !
Хоть все от ужаса тряслись
И говорили "Ох" и "Ах" , -
Герою был неведом страх !

О Храбрый , ХРАБРЫЙ ПЯТАЧОК!
Дрожал ли он ? О нет ! О нет !
Нет , он взлетел под потолок
И влез в "Для писем и газет" .
Он долго лез , но он пролез
И смело устремился в Лес .

Да , он , как молния , мелькнул ,
Крича : - Спасите ! Караул !
Сова и Пух в плену . Беда !
На помощь ! Все-Все-Все сюда ! -
И Все-Все-Все (кто бегать мог)
Помчались , не жалея ног !

И вскоре Все-Все-Все пришли
(Не просто , а на помощь к нам) ,
И выход тут же мы нашли
(Вернее , он нашелся сам) .
Так славься , славься на века
Великий Подвиг Пятачка !

– Вот , значит , как , – сказал Пух , пропев все это трижды . – Вышло не то , чего я ожидал , но что–то вышло . Теперь надо пойти и спеть все это Пятачку .

"Я ищу новый адриск для Совы ты тоже Кролик" .

– Что все это значит ? – спросил Иа .

Кролик объяснил .

– А в чем дело с ее старым домом ?

Кролик объяснил .

– Мне никогда ничего не рассказывают , – сказал Иа . – Никто меня не информирует . В будущую пятницу , по моим подсчетам , исполнится семнадцать дней с тех пор , как со мной в последний раз говорили .

– Ну , семнадцать – это ты преувеличиваешь ...

– В будущую пятницу , – пояснил Иа .

– А сегодня суббота , – сказал Кролик , – значит , всего одиннадцать дней . И , кроме того , я лично был тут неделю назад .

– Но беседа не состоялась , – сказал Иа . – Не было обмена мнениями . Ты сказал "Здорово !" и промчался дальше . Пока я обдумывал свою реплику , твой хвост мелькнул шагов за сто отсюда на холме . Я хотел было сказать : "Что ? Что ?" – но понял , конечно , что уже поздно .

– Ну , я очень спешил .

– Должен говорить сперва один , потом другой , – продолжал Иа . – По порядку . Иначе это нельзя считать беседой . "Здорово !" – "Что , что ?" На мой взгляд , такой обмен репликами ничего не дает . Особенно если когда приходит ваша очередь говорить , вы видите только хвост собеседника . И то еле–еле .

– Ты сам виноват , Иа . Ты же никогда ни к кому из нас не приходишь . Сидишь как сыч в своем углу и ждешь , чтобы все остальные пришли к тебе . А почему тебе самому к нам не зайти ?

Иа задумался .

– В твоих словах , Кролик , пожалуй , что–то есть , – сказал он наконец . – Я действительно пренебрегал законами общежития . Я должен больше вращаться . Я должен отвечать на визиты .

– Правильно , Иа . Заходи к любому из нас в любое время , когда тебе захочется .

– Спасибо , Кролик . А если кто–нибудь скажет Громким Голосом : "Опять Иа притащился !" – то ведь я могу и выйти .

Кролик нетерпеливо переминался с ноги на ногу .

– Ну ладно , – сказал он , – мне пора идти . Я порядком занят сегодня .

– Всего хорошего , – сказал Иа .

– Как ? А , всего хорошего ! И если ты случайно набредешь на хороший дом для Совы , ты нам сообщи обязательно .

– Обещаю , – сказал Иа .

И Кролик ушел .

Пух разыскал Пятачка , и они вдвоем побрели снова в Дремучий Лес .

– Пятачок , – сказал он застенчиво после того как они долго шли молча .

– Да , Пух !

– Ты помнишь , я говорил – надо сочинить Хвалебную Песню (Кричалку) насчет Ты Знаешь Чего .

– Правда , Пух ? – спросил Пятачок , и носик его порозовел . – Ой , неужели ты правда сочинил ?

– Она готова , Пятачок .

Розовая краска медленно стала заливать ушки Пятачка .

– Правда , Пух ? – хрипло спросил он . – Про... про... тот случай , когда ?.. Она правда готова ?

– Да , Пятачок .

Кончики ушей Пятачка запылали ; он попытался что–то сказать , но даже после того , как он два раза прокашлялся , ничего не вышло . Тогда Пух продолжал :

– В ней семь строф .

– Семь ? – переспросил Пятачок , стараясь говорить как можно небрежнее . – Ты ведь не часто сочиняешь Кричалки в целых семь строф , правда , Пух ?

– Никогда , – сказал Пух . – Я думаю , что такого случая никогда не было .

– А Все–Все–Все уже слышали ее ? – спросил Пятачок , на минуту остановившись лишь затем , чтобы поднять палочку и закинуть ее подальше .

– Нет , – сказал Пух . – Я не знаю , как тебе будет приятнее : если я спою ее сейчас , или если мы подождем , пока встретим Всех–Всех–Всех , и тогда споем ее . Всем сразу .

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пятачок немного подумал.

– Я думаю, мне было бы всего приятнее, Пух, если бы ты спел ее мне сейчас... а потом спел ее Всем–Всем–Всем, потому что тогда они ее услышат, а я скажу: "Да, да, Пух мне говорил", и сделаю вид, как будто я не слушаю.

И Пух спел ему Хвалебную Песню (Кричалку) – все семь строф. Пятачок ничего не говорил – он только стоял и краснел.

Ведь никогда еще никто не пел Пятачку, чтобы он "Славился, славился на века!". Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строфу еще раз, но он постеснялся. Это была та самая строфа, которая начиналась словами: "О Храбрый, Храбрый Пятачок".

Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удалось!

– Неужели я правда все это сделал? – сказал он наконец.

– Видишь ли, – сказал Пух, – в поэзии – в стихах... Словом, ты сделал это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделал. Так считается.

– Ой! – сказал Пятачок. – Ведь я... мне кажется, я немножко дрожал. Конечно, только сначала. А тут говорится: "Дрожал ли он? О нет, о нет!"

Вот почему я спросил.

– Ты дрожал про себя, – сказал Пух. – А для такого Маленького Существа это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был храбрым!

Подойдя к бывшему дому Совы, они застали там Всех–Всех–Всех, за исключением Иа. Кристофер Робин всем объяснял, что делать, и Кролик объяснял всем то же самое, на тот случай, если они не расслышали, и потом они все делали это.

Они где–то раздобыли канат и вытаскивали стулья и картины, и всякие вещи из прежнего дома Совы, чтобы все было готово для переезда в новый дом. Кенга связывала узлы и покрикивала на Сову: "Я думаю, тебе не нужна эта старая грязная посудная тряпка. Правда? И половик тоже не годится, он весь дырявый", на что Сова с негодованием отвечала: "Конечно, он годится – надо только правильно расставить мебель!

А это совсем не посудное полотенце, а моя шаль!"

Крошка Ру поминутно то исчезал в доме, то появлялся оттуда верхом на очередном предмете, который поднимали канатом, что несколько нервировало Кенгу, потому что она не могла за ним как следует присматривать. Она даже накричала на Сову, заявив, что ее дом – это просто позор, там такая грязь, удивительно, что он не опрокинулся раньше! Вы только посмотрите, как зарос этот угол, просто ужас! Там поганки! Сова удивилась и посмотрела, а потом саркастически засмеялась и объяснила, что это ее губка и что если уж не могут отличить самую обычную губку от поганок, то в хорошие времена мы живем!..

– Ну и ну, – сказала Кенга.

А Крошка Ру быстро вскочил в дом, пища:

– Мне нужно, нужно посмотреть на губку Совы! Ах, вот она! Ой, Сова, Сова, это не губка, а клякса! Ты знаешь, что такое клякса, Сова? Это когда твоя губка вся раскляк...

И Кенга сказала (очень поспешно): "Ру, милый!" – потому что не полагается так разговаривать с тем, кто умеет написать слово "суббота".

Но все очень обрадовались, когда пришли Пух и Пятачок, и прекратили работу, чтобы немного отдохнуть и послушать новую Кричалку (Хвалебную Песню) Пуха. И вот, когда Все–Все–Все сказали, какая это хорошая Хвалебная Песня (Кричалка), Пятачок небрежно спросил:

– Правда, хорошенькая песенка?

– Ну, а где же новый дом? – спросил Пух. – Ты нашла его, Сова?

– Она нашла название для него, – сказал Кристофер Робин, лениво пожевывая травинку. – Так что теперь ей не хватает только дома.

– Я назову его вот как, – важно сказала Сова и показала им то, над чем она трудилась: квадратную дощечку, на которой было намалевано:

САВЕШНИК

Как раз в этот захватывающий момент кто–то выскочил из Чащи и налетел на Сову. Доска упала на землю, и к ней кинулись Пятачок и Ру.

– Ах, это ты, – сказала Сова сердито.

– Здравствуй, Иа, – сказал Кролик. – Наконец–то. Где же ты был?

Иа не обратил на них внимания.

– Доброе утро, Кристофер Робин, – сказал он толкнув Ру и Пятачка и усаживаясь на "Савешник". – Мы одни?

– Да, – сказал Кристофер Робин, слегка улыбаясь.

– Мне сказали – крылатая весть долетела и до моего уголка Леса – сырая лощина, которая никому не нужна, – что Некая Особа ищет дом. Я нашел для нее дом.

– Молодец! – великодушно сказал Кролик.

Иа посмотрел на него через плечо и снова обратился к Кристоферу Робину.

– Между нами что–то такое было, – продолжал он громким шепотом, – но неважно. Забудем старые обиды и похищенные хвосты. Словом, если хочешь, Кристофер Робин, иди со мной, и я покажу тебе дом.

Кристофер Робин вскочил на ноги.

– Идем, Пух! – сказал он.

– Идем, Тигра! – крикнул Крошка Ру.

– Может быть, и мы пойдем, Сова? – сказал Кролик.

– Минутку, – сказала Сова, подымая свою адресную дощечку, которая как раз освободилась.

Иа отрицательно помахал им передней ногой.

– Мы с Кристофером Робинот отправляемся на прогулку, – сказал он. – На прогулку, а не на толкучку! Если он хочет взять с собой Пуха и Пятачка, я буду рад их обществу; но надо, чтобы мы могли д ы ш а т ь.

– Ну что ж, отлично, – сказал Кролик, сообразив что ему наконец–то представился случай как следует покомандовать.

– А мы продолжим выгрузку. За дело, друзья! Эй, Тигра, где канат? – Что там такое, Сова?

Сова, только что обнаружившая, что ее новый адрес превратился из "Савешника" в "кляксу", наподобие губки, строго кашлянула в сторону Иа, но ничего не сказала, и Ослик, унося на себе значительную часть "Савешника", побрел вслед за своими друзьями.

И вскоре все они подошли к дому, который нашел Иа, но еще до того, как он показался, Пятачок стал подталкивать локтем Пуха, а Пух – Пятачка; они толкались и говорили друг другу:

"Это он". – "Не может быть". – "Да я тебе говорю, это он!"

А когда они пришли, это был действительно он.

– Вот! – гордо произнес Иа, останавливаясь перед домом Пятачка. – И дом, и табличка с надписью, и все прочее!

– Ой, ой, ой! – крикнул Кристофер Робин, не зная, что ему делать – смеяться или плакать.

– Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? – спросил Иа.

И тут Пятачок совершил благородный Поступок. Он совершил его как бы в полусне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые спел про него Пух.

– Да, это самый подходящий дом для Совы, – сказал он великодушно. – Я надеюсь, что она будет в нем очень счастлива. – И он два раза проглотил слюнки, потому что ведь и он сам был в нем очень счастлив.

– Что ты думаешь, Кристофер Робин? – спросил Иа не без тревоги в голосе, чувствуя, что тут что–то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос, и он не знал, как его задать.

– Ну, – сказал он наконец, – это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалило ветром, ты должен куда–нибудь переехать. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни–Пух.

– Он бы перешел ко мне и жил бы со мной, – сказал Пух. – Правда же, Пятачок?

Пятачок пожал его лапу.

– Спасибо, Пух, – сказал он. – С большой радостью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КОТОРОЙ МЫ ОСТАВЛЯЕМ КРИСТОФЕРА РОБИНА И ВИННИ–ПУХА В ЗАЧАРОВАННОМ МЕСТЕ

Кристофер Робин куда–то уходил. Совсем. Никто те знал, почему он уходит; никто не знал, куда он уходит; да, да – никто не знал даже, почему он знает, что Кристофер Робин уходит. Но – по той или по иной причине– все в Лесу чувствовали, что это в конце концов должно случиться. Даже Сашка Букашка, самый крошечный Родственник и Знакомый Кролика, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, но был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться, – даже С.Б. сказал себе, что Положение Дел меняется, а Рано и Поздно (два других Родственника и Знакомых) сказали друг другу: "Ну, Рано?" и "Ну, Поздно?" – таким безнадежным

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

голосом, что было ясно – ожидать ответа нет никакого смысла.

И однажды, почувствовав, что он больше ждать не может, Кролик составил Сообщение, и вот что в нем говорилось:

Сообщение все-все-все встречаются возле дома на Пуховой опушке принимают лизорюцию слева по порядку номеров подпись Кролик

Ему пришлось переписать это раза два-три, пока он сумел заставить "лизорюцию" выглядеть так, как ей полагалось выглядеть с точки зрения Кролика; зато, когда наконец этот труд был окончен, он обожал всех и всем прочел свое произведение вслух. Все-Все-Все сказали, что придут.

– Ну, – сказал Иа-Иа, увидев процессию, направлявшуюся к его дому, – это действительно сюрприз. А я тоже приглашен? Не может быть!

– Не обращай внимания на Иа, – шепнул Кролик Пуху. – Я ему все рассказал еще утром.

Все спросили у Иа, как он поживает, и он сказал, что никак, не о чем говорить, и тогда все сели; и как только все уселись, Кролик снова встал.

– Мы все знаем, почему мы собрались, – сказал он, – но я просил моего друга Иа...

– Это я, – сказал Иа. – Звучит неплохо!

– Я просил его предложить Лизорюцию.

И Кролик сел.

– Ну давай, Иа, – сказал он.

– Прошу не торопить меня, – сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь. – Прошу не нудавайкать.

Он вынул из-за уха свернутую трубкой бумагу и не спеша развернул ее.

– Об этом никто ничего не знает, – продолжал он, – это Сюрприз.

С достоинством откашлявшись, он снова заговорил.

– Словом, в общем и целом, и так далее и тому подобное, прежде чем я начну, или, пожалуй, лучше сказать, прежде чем я кончу, я должен вам прочесть Поэтическое Произведение.

Доселе... доселе – это трудное слово, означающее... Ну, вы сейчас узнаете, что оно означает. Доселе, как я уже говорил, доселе вся Поэзия в Лесу создавалась Пухом, Медведем с милым характером, но разительным недостатком ума. Однако Поэма, которую я намереваюсь прочесть вам сейчас, была создана Иа-Иа, то есть мною, в часы досуга. Если кто-нибудь отберет у младенца Ру орехи, а также разбудит Сову, мы все сможем насладиться этим творением. Я называю его даже Стихотворением.

СТИХОТВОРЕНИЕ. СОЧИНИЛ ОСЕЛ ИА-ИА

Кристофер Робин уходит от нас.

По-моему, это факт.

Куда?

Никто не знает.

Но он уходит, увы!

Да, он нас покидает.

(Вот рифма к слову "знает".)

Мы все огорчены

(Тут рифма к слову "увы").

Нам всем и правда грустно.

Терпеть все это трудно.

(Неплохо?)

(Так и нет рифмы к слову "факт". Досадно!)

(А ведь теперь нужно еще рифму к слову

"Досадно". Досадно!)

(Пусть эти два "досадно" рифмуют друг

с другом, ладно?)

Я вижу -

Не так-то легко написать

Очень хорошую строчку,

И лучше бы все

Сначала начать,

Но легче

Поставить точку...

Нет!

Кристофер Робин,

Мы все здесь твои

Друзья...

(Не так!)

Мы все здесь друзья.

(Твоя? Опять не так!)

В общем,

Прими на прощанье от всех

Пожеланье успех...

(Не так!)

Прими пожеланье успехов

От всехов!

(Фу ты, вот неуклюжие слова,

Что-нибудь всегда получается не так!)

Словом,

Мы все тебе их желаем,

Ты молодец!

КОНЕЦ

– Если кто-нибудь намерен аплодировать, – сказал Иа, прочитав все это, – то время настало.

Все захлопали.

– Благодарю вас, – сказал Иа, – я приятно удивлен и тронут, хотя, возможно, аплодисментам и не хватает звучности.

– Эти стихи гораздо лучше моих, – с восторгом сказал Винни-Пух. И он действительно был в этом уверен.

– Что ж, – скромно объяснил Иа. – Так и было задумано.

– Лизорюция, – сказал Кролик, – такая, что мы все это подпишем и отнесем Кристоферу Робину.

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Пятачок, Иа, Кролик, Кенга, Большая Клякса (это была подпись Тигры) и Три Маленькие Кляксы (это была подпись Крошки Ру).

И Все-Все-Все отправились к дому Кристофера Робина.

– Здравствуйте, друзья, – сказал Кристофер Робин. – Здравствуй, Пух!

Все они сказали: "Здравствуй", и вдруг всем стало как-то грустно и не по себе – ведь получалось, что они пришли прощаться, а им очень–

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

очень не хотелось об этом думать. Они беспомощно сбились в кучу, ожидая, чтобы заговорил кто-нибудь другой, и только подталкивали друг друга, шепча: "Ну, давай ты", и мало-помалу вперед вытеснили Иа, а все остальные столпились за ним.

– В чем дело, Иа? – спросил Кристофер Робин.

Иа помахал хвостом, очевидно, желая себя подбодрить, и начал.

– Кристофер Робин, – сказал он, – мы пришли, чтобы сказать, чтобы передать... как это называется... сочинял один... но мы все – потому что мы слышали...я хочу сказать, мы все знаем, ну, ты понимаешь сам... Мы... Ты... Короче, чтобы не тратить много слов, вот! – Он сердито оглянулся на остальных и сказал: – Весь Лес тут собрался! Совершенно нечем дышать! В жизни не видел такой бессмысленной толпы животных, и главное, все не там, где надо. Неужели вы не понимаете, что Кристоферу Робину хочется побыть одному? Я пошел! И он поскакал прочь.

Сами хорошенько не понимая почему, остальные тоже начали расходиться, и когда Кристофер Робин закончил чтение Стихотворения и поднял глаза, собираясь сказать "спасибо", перед ним был один Винни Пух.

– Это очень трогательно, – сказал Кристофер Робин, складывая бумажку и убирая ее в карман. – Пойдем, Пух. – И он быстро зашагал по дороге.

– Куда мы идем? – спросил Пух, стараясь поспеть за ним и одновременно понять, что им предстоит – Искледиция или еще какое-нибудь. Я не знаю что.

– Никуда, – сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда, и, после того как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил:

– Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

– Ну, – ответил Пух, – я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мед – очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты примешься за мед, когда еще приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется. И еще он подумал, что играть с Кристофером Робинем тоже очень приятное дело, и играть с Пятачком – это тоже очень приятное дело, и вот когда он все это обдумал, он сказал:

– Что я люблю больше всего на всем свете – это когда мы с Пятачком придем к тебе в гости и ты говоришь: "Ну как, не пора ли подкрепиться?", а я говорю: "Я бы не возражал, а ты как, Пятачок?", и день такой шумелочный, и все птицы поют. А ты что больше всего любишь делать?

– Это все я тоже люблю, – сказал Кристофер Робин, – но что больше всего я люблю делать – это...

– Ну, ну?

– Ничего.

– А как ты это делаешь? – спросил Пух после очень продолжительного размышления.

– Ну вот, спросят, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: "Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?", а ты говоришь: "Да ничего", а потом идешь и делаешь.

– А, понятно! – сказал Пух.

– Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничевошное дело.

– Понятно! – повторил Пух.

– Например, когда просто гуляешь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чем не заботишься.

– А-а! – сказал Пух.

Они шли, думая о Том и о Сем, и постепенно они добрались до Зачарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой вершине холма. Там росло шестьдесят с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место зачаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев – шестьдесят три или шестьдесят четыре, даже если он привязывал к каждому сосчитанному дереву кусочек бечевки.

Как полагается в Зачарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие колючки и папоротник и лежали иголки; здесь она вся росла ровной-ровной зеленой травкой, гладкой, как газон.

Это было единственное место в Лесу, где можно было сесть спокойно и посидеть и не надо было почти сразу же вскакивать в поисках чего-нибудь другого. Наверно, потому, что на Капитанском Мостике видели все-все на свете – во всяком случае, до того самого места, где, нам кажется, небо сходится с землей.

И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуху всякие интересные вещи – про людей, которых называют Королями и Королевами, и про еще каких-то, которые называются Купцами, и про то место, которое называется Европа, и про потерянный остров посреди моря, куда не приходят корабли, и как сделать Насос (если нужно), и как в Рыцарей посвящали, и какие товары мы получаем из Бразилии. А Винни-Пух, прислонившись спиной к одному из шестидесяти с чем-то деревьев и сложив лапки на животе, говорил: "О-ох", и "А-а, понятно", и "Не может быть", и думал о том, как было бы чудесно, если бы в голове у него были не опилки, а настоящий ум. И мало-помалу Кристофер Робин рассказал все, что знал, и затих и сидел, глядя с Капитанского Мостика на весь Белый Свет и желая, чтобы так было всегда.

А Пух продолжал размышлять. И вдруг он спросил Кристофера Робина:

– А это очень хорошо, когда тебя посвистят?.. В эти... Ну, как ты говорил?

– Чего? – спросил Кристофер Робин нехотя, словно прислушиваясь к кому-то другому.

– Ну, в эти... на лошадке, – объяснил Пух.

– Посвистят в Рыцари?

– Ах, вот как это называется, – сказал Пух. – А я думал, это посви... Ну ладно. Они не хуже Короля и Купца и всех остальных, про которых ты говорил?

– Ну, поменьше Короля, – сказал Кристофер Робин, и тут же, заметив, что Пух, кажется, огорчен, он поспешно добавил: – Но побольше Купца!

– А Медведь тоже может стать им?

– Конечно, может! – сказал Кристофер Робин. – Я тебя сейчас посвящу.

Он взял палочку и, слегка ударив Винни-Пуха по плечу, сказал:

– Встань, сэр Винни-Пух де Медведь, вернейший из моих рыцарей!

Понятно, Пух встал, а потом опять сел и сказал: "Спасибо", – как полагается говорить, когда тебя посвятили в Рыцари. И незаметно он снова задремал, и во сне он и Сэр Насос, и Сэр Остров, и Купцы жили все вместе, и у них была Лошадка, и все они были верными Рыцарями доброго короля Кристофера Робина (все, кроме Купцов, которые смотрели за Лошадкой). Правда, время от времени он качал головой и говорил про себя: "Я что-то перепутал". А потом он начал думать обо всех вещах, которые Кристофер Робин захочет рассказать ему, когда вернется оттуда, куда собрался уходить, и как тогда трудно будет бедному Медведю с опилками в голове ничего не перепутать.

"И тогда, наверно, – грустно сказал он про себя, – Кристофер Робин не захочет мне ничего больше рассказывать.

Интересно, если ты Верный Рыцарь, неужели ты должен быть только верным, и все, а рассказывать тебе ничего не будут?"

Тут Кристофер Робин, который все еще смотрел в пространство, подперев голову рукой, вдруг окликнул его:

– Пух!

– Что? – сказал Пух.

– Когда я буду... Когда... Пух!

– Что, Кристофер Робин?

– Мне теперь не придется больше делать то, что я больше всего люблю. – Никогда! Ну, может, иногда. Но не все время. Они не позволяют.

Пух ждал продолжения, но Кристофер Робин опять замолчал.

– Что же, Кристофер Робин? – сказал Пух, желая ему помочь.

– Пух, когда я буду... ну, ты знаешь... когда я уже не буду ничего не делать, ты будешь иногда приходить сюда?

– Именно я?

– Да, Пух.

– А ты будешь приходить?

– Да, Пух, обязательно. Обещаю тебе.

– Это хорошо, – сказал Пух.

– Пух, обещаю, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет.

Пух немного подумал.

– А сколько тогда мне будет?

– Девяносто девять.

Винни-Пух кивнул.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Обещаю, – сказал он.

Все еще глядя вдаль, Кристофер Робин протянул руку и пожал лапку Пуха.

– Пух, – серьезно сказал Кристофер Робин, – если я... если я буду не совсем такой... – Он остановился и попробовал выразиться иначе: –

Пух, ну, что бы ни случилось, ты ведь всегда поймешь. Правда?

– Что пойму?

– Ничего. – Мальчик засмеялся и вскочил на ноги. – Пошли.

– Куда? – спросил Винни-Пух.

– Куда-нибудь, – сказал Кристофер Робин.

И они пошли. Но куда бы они ни пришли и что бы ни случилось с ними по дороге, – здесь в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком.